

В.Ф.Петренко

Послесловие к научным очеркам Т.Г.Нефедовой

В обстоятельных, можно даже сказать, эпических статьях Татьяны Нефедовой дан широкий обзор экономического состояния, быт и жизнеописание нравов, экологические наблюдения и широкий спектр социологических данных Северо-востока Европейской России, на примере, хозяйственной деятельности Костромской области и ее маленькой, но типичной составляющей – села Медведево, являющего собой действительно медвежий угол этого, покрытого на 2/3 лесами старинного, исконно русского региона.

Исторически, костромской край, хотя и дал целый ряд ярких имен России (включая род Романовых), был и остается глубокой российской провинцией. До октябрьской революции костромская губерния была известна как основной производитель льна, значительный вклад в экономику вносила и деревообрабатывающая промышленность. По реке Уже ходили десятки пароходов и барж, перевозящих как лес, так и население, часть которого, уходила на сезонные заработки в города. Местный, северный по отношению к Центральной России, климат и суглинистые почвы не позволяли интенсивное сельское хозяйство, заставляя мужское население искать дополнительный заработок в городах. Через костромскую губернию проходил и печально известный (Сибирский ? или Владимирский ? тракт, связующий Европейскую Россию с Уралом и Сибирью, по которому гнали этапами заключенных.

Октябрьская революция внесла мало позитива в развитии этого края. Закабаление крестьян в колхозы («вторичное крепостное право»), ликвидация частной собственности, в частности, в судоходстве и производстве пиломатериалов, значительно подорвало экономику края, лишив наиболее инициативную часть населения предпринимательской активности, а подчас (в годы коллективизации) и просто физического существования.

Программы индустриализации страны осуществлялись, в частности, через перераспределение ресурсов получаемых в сельском хозяйстве, в пользу промышленного строительства в крупных городах и создания новых экономических регионов на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке и развития экономик братских советских республик. Костромская область, как и вся сельская Россия исправно поставляла экономические (сельскохозяйственные) и человеческие ресурсы, за счет стагнации и деградации собственного развития. Ситуацию усугубила и Отечественная (Вторая Мировая война), где военное положение требовало предельной трудовой мобилизации населения, без каких либо амортизационных вложений в экономику и послевоенная (хрущевская) сельскохозяйственная политика, ограничивавшая трудовую активность крестьян на собственном подворье и не позволявшая «подняться на ноги» обессиленному

«продразверстками» послевоенному сельскому хозяйству. Времена «брежневского застоя», когда за счет продажи нефти страна смогла пустить значительные финансовые средства на возрождение и подъем Нечерноземья, эти финансовые, дотационные вливания оказались не слишком эффективными, как в силу внеэкономических рычагов управления сельским хозяйством, уравниловкой и ограничением хозяйственной инициативы колхозов в силу специфики идеологии и способа хозяйствования социалистической экономики, так и в силу истощенности самого человеческого ресурса. По всей костромской области, как памятники той эпохи, стоят остовы разоренных животноводческих колхозных ферм, производивших когда-то, худо- бедно экологически чистейшее, костромское масло и молоко. Местные жители, как правило, с ностальгией вспоминают эти времена, дававшие пусть и убогую, но стабильную основу сельской жизни. Чувство сожаления по утраченному колхозному строю, у престарелых жительниц (мужское население села, как правило, не доживает до преклонного возраста, не в силу полового диморфизма, а скорее в результате непомерного потребления алкоголя и его суррогатов) связано, очевидно, с тем, что колхоз, как форма общины в условиях социализма, давал какую то социальную гарантию поддержки в старости (дровами, комбикормами) обеспечивал наличие медицинского пункта, почты, клуба и являл собой, тем самым, основу общественной жизни. Современное государство, увеличив пенсионные выплаты, не в состоянии вернуть смысл собственного существования населению, тогда как колхозная жизнь создавала, подчас иллюзорную, но поддерживаемую советской идеологией веру в значимость собственного труда. На заброшенных домах деревни Медведево, построенных, кстати, в послевоенное время, когда войны победители, полные веры в будущее, возвращались к мирной жизни с фронтов Второй Мировой войны, можно увидеть таблички «дом почетного колхозника», «дом ветерана войны». Но в силу причин внутренней политики государства по отношению к селу, общей тенденции урбанизации и оттока населения в города, и, наконец, усталости от многолетнего перенапряжения сил, вызванных коллективизацией, индустриализацией и войной, село так и не смогло возродиться, а естественная и далеко не естественная убыль населения, поставило село на грань вымирания.

Окончив изложение-реферат исторической части статей, подчеркнем проблему «усталости» производственных сил, т.е. самого местного населения, отсутствия мотивации к переменам убогой, лишенной перспектив жизни. Термин сопромата «усталость металла», вполне подходит для апатии и аномии социальной жизни. Татьяна Нефедова описывает различные формы возможного заработка или постоянной работы по найму (например, фермерство, работа на лесозаготовках, строительстве дач, сбор дикоросов, грибов и ягод для заготовительных контор и т.п.), в которых могли бы быть задействованы местные жители,

массы которых предпочитают, тем не менее не требующие особого усердия, случайные подработки для выпивки или склонны паразитировать на пенсиях старшего поколения. Налицо массовая, тяжелая психическая болезнь утраты мотивации к труду, отсутствие, задающих перспективу дальних мотивов, сведение жизни к одному дню. «Выпил, день прошел, ну и ладно».

В психологической науке существует понятие «выученная беспомощность», когда в силу длительной болезни или гиперопеке матери, у ребенка редуцируется воля и самостоятельность. Государство долгое время, выступавшее в течение почти целого века не доброй матерью, а скорее злой мачехой, (когда любая предпринимательская активность и просто самостоятельность жестко преследовалась), сформировало у сельского населения установку «выученной беспомощности», неспособности к постановке, требующих собственной активности задач. Социально более активная часть населения в различные годы советской была раскулачена и репрессирована; погибла в Отечественную войну; сменила свое местожительство и социальный статус колхозника на статус городского рабочего или военнослужащего. Качество сельского жителя (соборность, образование, здоровье, желание иметь семью), массовая психология населения (включающая трудовую мораль) и даже генофонд оказались снижены. Колхозная уравниловка и поощряемая советской идеологией «общинная ментальность», когда человек чем-то отличающейся от общей серой массы, вызывает настороженность, в новых экономических условиях выливается в неприязнь большей части местного населения к более или менее успешным фермерам, трудовым мигрантам, инородцам. Так, что помимо экономических проблем возрождения села существует и чисто социально-психологические проблемы возрождения менталитета сельского труженика, имеющего высокую трудовую мотивацию, терпимого к экономическим успехам других и толерантных к приезжим и людям другой национальности, появление которых на селе неизбежно, в силу де популяции местного населения.

В рамках разделяемой нами концепции «клеточной глобализации» Н.Е. Покровского (2004) утверждается, что в современной России возникают формы смешанных сельско-городских сообществ, формирующие новый социальный уклад и дающие перспективу развития деревни. Покровский выдвигает ряд тезисов, обуславливающих логику социального исследования данного процесса:

- Деревня не реформируема без привлечения внешних факторов. Сельские жители, экономически, политически и организационно заблокированные в сельских регионах, не способны самостоятельно, без внешней помощи разомкнуть порочный круг зависимостей, не дающих им возможности встать на ноги.

- Городской нижний средний класс, не допущенный к приватизации в городе, также оттеснен от развивающего вектора экономики и фактически выпадает из социальной структуры общества.
- По предлагаемой логике и сельские жители, лишенные поддержки города, и городской нижний средний класс, выпавший из современной российской экономики, могут взаимно решать проблемы, открывающие перспективы перед всем российским обществом.
- В социальной практике по различным системам показателей прослеживается возникновение социальных групп (агрегаций), обозначающих движение к воссоединению города и села на новой основе.
- «Необходимо – полагает Покровский – реальное включение сельского населения в демократические институты, создание собственных сообществ, выражающих интересы сельчан и одновременно отвечающих демократическим паттернам. Для этого необходимо, в частности, исследование установок сельского населения относительно политических и экономических реформ». (Покровский, 2004, с.7).

В разрабатываемой Н.Е.Покровским концепции клеточной глобализации делается акцент на локальных, точечных сферах возрождения экономики в сельской местности, перенос предпринимательской городской активности на деревенскую, сельскую почву. Можно полагать, что и для возрождения крестьянской этики и трудовой мотивации возможен перенос «закваски» городской ментальности, внедрение ее в духовный мир сельского жителя. В полной скрытой иронии статье Н.Е.Покровского дается описание нравов уездного города Мантурова, воскресные дефиле местных невест. Разодетые по моде, в сопровождении своих мамаш, юные дивы, шествуют по центральным аллеям местного базара, как шествуют по ковровой дорожке кинозвезды на фестивале в Сан-Ремо. Страстное желание быть ни хуже других, жить там как в Москве, Париже или Нью Йорке—вот один из резервов формирования мотивации достижения. На наш взгляд для создания эмоционального климата, соответствующего современной цивилизации, «пробуждения населения от духовной спячки», способствующего экономическому прогрессу не в меньшей мере, чем создание элементов, клеточек экономической глобализации, важны клеточки культурной глобализации: социальные, культурные институты, задающие смыслы существования жителям. Это театры, клубы самодеятельного творчества, пединституты и институты культуры, выпускники и, главным образом, выпускницы которых, могли бы сеять разумное вечное, улучшая эмоциональный климат провинции. Другим каналом «клеточной глобализации» культуры выступает прогрессивное развитие средств массовой коммуникации и Интернета. Прогресс в области телекоммуникации и ее удешевление позволяют, в

принципе, распространить местное телевидение на пригороды и сельскую местность, включив в орбиту интересов местных жителей местные социальные новости и культурные программы, созданные на местном материале.

Другим, более традиционным каналом, производства духовной жизни являются местные монастыри и церкви. В насыщенных монастырями Владимирской, Ярославской, Калужской области можно наблюдать, как вокруг монастырей возникает «клеточки» культурной глобализации, значительная часть местного населения и часть местной молодежи участвует в церковной жизни, добровольно работают трутниками в монастырях. Монастыри создают своеобразную монастырскую экономику, включающую помимо собственно натурального хозяйства, обслуживающего нужды самого монастыря, гостиничную экономику обслуживания паломников, кустарное производство религиозной продукции и сувениров. Но главное они дают местному населению смыслы существования, отторгают его от всеобщего пьянства, пропагандируют христианские ценности.

Как пишет Татьяна Нефедова, первое, что бросается в глаза в Угорах – это огромная полуразрушенная церковь, которая сейчас восстанавливается на деньги районной администрации и епархии. Строители - мигранты с юга. Почему не свои, ведь в селах безработица? Ответ представителя сельсовета был прост: «не хотят и не умеют». Так началось наше знакомство с этим представителем необъятной и очень разной сельской глубинки России, расположенной в живописном месте на высоком берегу реки Унжа в 35 км от г. Мантурово, и более чем в 200 км от Костромы.

Образ развалившейся церкви может выступать как символ духовной деградации села. Возрождение конкретной церкви в Угорах может стать началом возрождения конкретного села в костромской области, а общая тенденция возрождения духовной жизни являться следствием и причиной возрождения Русского севера.